

После еды Сяо И уже нужно было уезжать. Он обещал господину Циню доставить срочный груз в столицу префектуры, а наниматель потребовал, чтобы товар был на месте послезавтра. Уехать предстояло на несколько дней, и оставлять дом без присмотра ему было беспокойно. Перед отъездом он попросил Чэнь Сяньюэ и тётушку Цай приглядывать за его семьёй.

Линь Мудун и Ли Юйфэнь в это время собирали лекарственные травы в горах и не знали, что он собирается уезжать. Сяо И хотел дождаться фулана и попрощаться с ним, ждал-ждал, но дверь распахнулась, и внутрь вошёл Дацян.

— Пошли уже, чего ты ждёшь? Хочешь, я тебя на руках унесу? Да без проблем, братец уже идёт... — Дацян с распростёртыми объятиями двинулся к нему, и Сяо И тут же запустил в него кирпичом. Тот только мерзко ухмыльнулся.

— Катись отсюда, — Сяо И представил, как Дацян несёт его на руках, и от отвращения по коже побежали мурашки. — Я оставлю письмо и пойдём. Жди у ворот.

Дацян за спиной цыкнул:

— Расставаться не хочется? Не переживай, моя мать и остальные здесь, никто твоего фулана не обидит.

Сяо И вернулся в дом, нашёл ровную деревянную дощечку и углём начертил на ней несколько линий. Потом поднял её, сам полюбовался результатом - смысл вроде бы должен быть совершенно понятным. Сначала он положил дощечку на стол, но потом решил, что там она слишком незаметна. А вдруг фулан её не увидит, обнаружит, что его нет дома, начнёт волноваться и скучать? Подумав, Сяо И переложил дощечку на кровать. Спать-то его фулан всё равно ляжет.

Закончив с этим, он оставил на кровати ещё и ключ от денежной шкатулки. Несколько лян серебра внутри были всеми его сбережениями, там же лежали документы на землю и дом - всё это Сяо И хотел передать Линь Мудуну.

.....

Повилики, колючего лимонника и сердечного лотоса в горах было больше всего. В аптеке за один цзинь повилики давали десять вэней, а правильно обработанный лимонник стоил ещё дороже - его можно было продать и за пятнадцать, и за двадцать вэней. Линь Мудун нарочно оставил часть трав несобранной, чтобы в следующем году они снова разрослись.

Ещё они с бабушкой нашли в горах целую заросль ямса. Когда взошло солнце, заплечные корзины старушки и Линь Мудуна уже были доверху наполнены добычей. Линь Мудун стряхнул пыль со штанов, посмотрел на небо и, увидев, что уже поздновато, захотел поскорее вернуться домой к Сяо И.

Но, придя домой, обнаружил, что Сяо И нет. Весь дом казался пустым, тихим и холодным. Линь Мудун застыл на мгновение, настроение сразу упало.

Солнечный свет заливал двор. Ли Юйфэнь позвала его пропаривать лекарственные травы, и времени на лишние мысли не осталось. Линь Мудун перенёс выкопанные травы на кухню.

Некоторые лекарственные растения от природы были ядовитыми, и если обработать их неправильно, вся партия окажется испорченной. Лишь закончив все сложные этапы обработки, Линь Мудун вернулся в комнату отдохнуть и только тогда заметил оставленное на кровати послание.

— ...

Он невольно рассмеялся. Другие оставляют письма, а его Сяо И вместо письма просто нарисовал для него картинку.

Сяо И не умел читать и писать, поэтому и выражал свои мысли вот так - рисунком. Он изобразил два дома, между ними дорогу, а по дороге шёл человечек-палочка с грузом в руках. Линь Мудун сразу всё понял: маленький домик - это Сяохэ, а большой, должно быть, столица префектуры. Он знал, что Сяо И берёт разовые охранные поручения, чтобы зарабатывать.

Он долго смотрел на рисунок и всё думал. Нарисованный человечек казался таким одиноким, что Линь Мудун взял уголь и дорисовал рядом ещё одного человечка. Теперь по дороге шли уже двое, держась за руки.

Вот так лучше.

Один - это он, другой - Сяо И.

Потом Линь Мудун взял ключ и открыл шкатулку. Он замер. Внутри лежали деньги, бумаги на землю и документы на дом... Он смотрел на шкатулку очень-очень долго, и глаза у него постепенно защипало. Ему вдруг сильно захотелось увидеть Сяо И.

Чем дольше он смотрел, тем сильнее тосковал. В конце концов Линь Мудун закрыл шкатулку, так хотя бы не придётся, глядя на вещи, вспоминать человека и ещё больше тосковать по нему. Всё равно поездка займёт всего два-три дня. Он взял корзинку и пошёл собирать сычуаньский перец: когда Сяо И вернётся, можно будет как раз успеть приготовить тушёный тофу с уже подсушенным перцем.

За домом росло только одно такое дерево. По словам Сяо И, оно выросло само собой: кто-то когда-то просто бросил семечко, и дерево дало дикие всходы. Его никогда не поливали и не удобряли, а оно всё равно оказалось ароматнее, чем специально посаженные деревья.

Собирать сычуаньский перец тоже приходилось осторожно. Пусть дерево и было небольшим, зато всё покрыто острыми колючками, а гроздья красных ягод прятались прямо среди ветвей и листьев. Ещё издали от него тянуло пряным ароматом.

Старушка, поджав губы, улыбнулась:

— Давай и листьев немного наберём, от них аромат ничуть не хуже.

— Хорошо, бабушка, — Линь Мудун тоже любил это приятное чувство, когда возвращаешься домой с добычей.

Он осторожно уклонялся от колючек и тянулся к гроздьям перца, но всё же нечаянно проколол палец. На кончике пальца тут же выступила кровь, укол отдался резкой болью, и он поспешно склонил голову и принялся тихонько дуть на рану.

После того укола Линь Мудун стал ещё осторожнее.

Собранный сычуаньский перец промыли и высушили на солнце, затем высыпали в котёл и обжарили до появления сильного аромата, после чего растолкли в каменной ступке в порошок. Если понемногу добавлять его во время готовки, блюда получались невероятно душистыми.

— Если уж толочь сычуаньский перец в порошок, то вкуснее всего потом готовить с ним тофу,
— Ли Юйфэнь вспомнила этот вкус. Раньше в Хэси они тоже часто так ели.

Линь Мудун обхватил каменную ступку и принялся толочь.

— Сестра Сяньюэ познакомила меня с бабушкой Чжан, которая продаёт тофу. Их дом как раз у того османтуса на краю деревни.

Тофу стоил недорого, был куда выгоднее мяса, к тому же хорошо питал тело, поэтому на столах земледельцев его особенно любили.

Аромат сычуаньского перца был густым и насыщенным. Линь Мудун растёр порошок очень мелко, и даже Чэнь Сяньюэ по соседству почуяла запах и тоже невольно вспомнила тофу с пряным сычуаньским перцем.

Как раз в этот момент она услышала из-за стены голос Линь Мудуна, ухватилась за край стены и вскарабкалась наверх:

— Дун-Дун! Вы там толчёте сычуаньский перец? Как раз вовремя, пойдём вместе к бабушке Чжан за тофу!

Линь Мудун резко поднял голову и удивлённо воскликнул:

— А?

Оказывается, по стенам ещё и так можно лазить?

Он отозвался:

— Хорошо, сестра Сяньюэ, подожди меня, я схожу за медяками.

Тофу у бабушки Чжан получался превосходный, за ним приходили даже из соседней деревни. Был плотный старый тофу, а был свежий, такой нежный, что буквально таял во рту. Что именно покупать, зависело только от вкуса. Но приходиться нужно было пораньше и занимать очередь: если опоздаешь, ничего не останется.

Линь Мудун и Чэнь Сяньюэ прибавили шагу, но всё равно кто-то успел раньше. Впереди уже вытянулась длинная очередь, и они не знали, останется ли что-нибудь к их черёду.

Сзади всё подходили новые люди. Бабушка Чжан прикинула оставшийся запас и поспешно громко крикнула:

— Всё, больше нет! Приходите завтра!

Линь Мудун облегчённо выдохнул и тихонько прошептал Чэнь Сяньюэ:

— Сестра Сяньюэ, мы успели как раз в числе последних.

— Хорошо, что успели, а то сегодня остались бы без этого вкуса.

Всё хорошее под небом приходится расхватывать, и тофу по пять вэней за кусок не был исключением.

Линь Мудун как раз опустил голову и пересчитывал деньги. Он взял с собой только пять вэней, опасаясь, что если понесёт больше, то потеряет по дороге. Вдруг сбоку подошли несколько человек. Он не обратил на них внимания, а когда поднял голову, кто-то с силой толкнул его ладонью.

Линь Мудуна оттолкнули к обочине. Он растерянно застыл, крепко сжимая в руке медяки, и тревожно посмотрел на Чжао Шуана и Сяо Цици.

— Я пришёл первым, — робко и тихо сказал он, но отказываться от тофу совершенно не

собирался.

— Ну и что? Кто место отвоюет, того оно и будет, — Сяо Цици занял место Линь Мудуна и уступать не пожелал.

Потом он заметил пять вэней в руке Линь Мудуна и презрительно усмехнулся:

— Похоже, кузен к тебе тоже не особенно хорошо относится. Даже лишних денег дать жалеет. Хотя верно, ты ведь в конце концов носишь фамилию Линь, а вовсе не принадлежишь к нашей семье Сяо. С чего бы кузену тратить на тебя деньги?

Линь Мудун, конечно же, не собирался рассказывать ему, что Сяо И уже отдал ему всё своё состояние. Но слова «не из семьи Сяо» всё-таки задели его. Он с таким трудом снова обрёл дом и никому не позволит заставить его усомниться в этом!

Линь Мудун сердито надулся, бросился вперёд и своим маленьким телом умудрился вытолкнуть Сяо Цици к обочине, вернув себе место.

— Это ты посторонний, — обиженно сказал Линь Мудун. — Это мой дом. Сяо И сам сказал, что не считает тебя младшим братом. Ваша семья совсем плохо к нему относилась. Когда у него не было денег, вы ещё и добивали лежачего. Разве так ведут себя родные?

Впереди разом обернулось больше десятка пар глаз. Покупать тофу все вдруг перестали торопиться: кто-то смотрел из любопытства, кто-то откровенно пытался разузнать подробности. А те, кто знал историю семьи Сяо, поджимали губы и согласно кивали.

Несколько девушек примерно того же возраста, тоже пришедших за тофу, прикрыли рты и захихикали. Чем громче становился скандал, тем интереснее им было:

— Сяо Цици, разве ты не любишь постоянно говорить, что кузен относится к тебе лучше всех? А он тебя вообще за младшего брата не считает.

Насмешки одна за другой долетали до ушей Сяо Цици. Тот пришёл в ярость, зло уставился на Линь Мудуна, стиснул зубы и топнул ногой.

Чжао Шуан поначалу молча стоял в стороне, но теперь, когда все вокруг обернулись, а люди знали, что он близко общается с Сяо Цици, промолчать было нельзя, иначе потом ещё станут судачить. К тому же он и сам вовсе не собирался позволять Линь Мудуну спокойно уйти.

— Всё-таки вы одна семья, зачем устраивать такой шум? Разве не испортишь так отношения?
— мягко сказал Чжао Шуан, глядя на него с укором и неодобрением. Со стороны казалось, будто именно он здесь самый рассудительный.

Говоря это, он как бы невзначай посмотрел на молодого мужчину, стоявшего впереди в очереди за тофу. В деревне его звали Чжоу Цюань. Чжао Шуан всегда считал его глуповатым и смотрел свысока, но Чжоу Цюань упорно увивался за ним и никак не отставал. Зато был предан и удобен в обращении.

Чжоу Цюань как раз горел желанием показать Чжао Шуану свою преданность и, не разбираясь в происходящем, нахмурился и тут же встал на его сторону:

— Гэр, которого взял Сяо И, совсем не знает меры. Раз уж вы одна семья, зачем говорить так, будто вы чужие? Шуан-гэр, ты человек великодушный, не трать слова на такого.

На Линь Мудуна ещё и свалили всю вину. Его влажные глаза чуть не потускнели от обиды, и, загнанный в угол, он тихо спросил:

— Ты так за него заступаешься... а какие у вас отношения?

Больше десятка пар глаз разом распахнулись шире. Все мгновенно начали додумывать остальное сами. А ведь никто не слышал, чтобы семьи Чжоу и Чжао были помолвлены. И в городе, и в деревне гэрам, которым уже было по десять с лишним лет и пора было готовиться к замужеству, семьи обычно не позволяли близко общаться с посторонними мужчинами. А эти двое, судя по всему, были весьма хорошо знакомы... Неужели за спиной у всех они...

Лицо Чжао Шуана мгновенно изменилось. Он крепко сжал платок, а в глазах мелькнула виноватая тревога. Не будь вокруг посторонних, он наверняка уже бросился бы к Линь Мудуну и разорвал ему рот!

Здесь уже разгорелся настоящий скандал, и в итоге никто больше даже не покупал тофу.

Чэнь Сяньюэ неизвестно кто вытеснил наружу, и она не могла протиснуться обратно, чтобы помочь Линь Мудуну отстоять себя. Она тоже разозлилась, подбежала к бабушке Чжан, с размаху высыпала на стол несколько десятков медяков и сказала:

— Бабушка, всё оставшееся я забираю!

Ни кусочка этим мерзавцам не достанется, всё будет её и Дун-Дуна.

Бабушка Чжан ошеломлённо уставилась на неё и только растерянно закивала:

— Х-хорошо, хорошо.

Зеваки в ужасе обернулись. Их тофу разобрали? Тут уж стало не до чужого скандала: все поспешили обратно к прилавку, иначе к полудню и есть будет нечего.

Чжоу Цюань увидел, что тофу почти не осталось, вдобавок какая-то тётушка наступила ему на ногу, и тоже ринулся отвоёвывать свою долю. В итоге взрослый мужчина едва не сцепился с женщинами из-за тофу.

Когда вокруг Линь Мудуна наконец никого не осталось, Чэнь Сяньюэ вернулась с корзиной,верху набитой тофу, и встала рядом с ним.

— Дун-Дуна Сяо И взял в фуланы по всем правилам, с официальным сватовством и свадьбой. Сегодня вы его обижаете, но когда Сяо И вернётся, он вам этого не спустит. Даже если Дун-Дун проглотит обиду и ничего ему не расскажет, я сама передам Сяо И всё, что здесь произошло, слово в слово.

Лица Чжао Шуана и Сяо Цици меняли цвет с белого на синий. Чэнь Сяньюэ они явно побаивались и уж тем более не хотели, чтобы эта история дошла до Сяо И.

Чэнь Сяньюэ схватила Линь Мудуна за руку и увела прочь. Отойдя довольно далеко, они наконец не выдержали и рассмеялись. Спор они выиграли, и на душе было ужасно приятно.

— Сестра Сяньюэ, ты сейчас была такая великолепная... такая грозная! У них обоих даже лица изменились, — в глазах Линь Мудуна сияло восхищение.

— Дун-Дун тоже молодец. Всего несколькими словами заставил их обоих замолчать.

Получив признание своей силы, Линь Мудун широко распахнул глаза и ужасно растрогался. Он больше не тот гэр, которого всякий может безнаказанно обижать! Он вырос!

У Чэнь Сяньюэ был один маленький секрет, который она скрывала от Линь Мудуна: перед отъездом Сяо И тайком приходил к ней и просил присматривать за его фуланом. Он боялся, что тот слишком робкий и добрый и кто-нибудь станет его задирать. Теперь, похоже, волноваться было не о чем. Дун-Дун пусть и был немного пугливым и мягким по характеру, но неприятностей не боялся. Сегодня он несколькими словами, без лишних усилий, заставил Сяо Цици и Чжао Шуана остаться в проигрыше. Впредь его тоже будет не так-то легко обидеть.

Вернувшись домой, они уставились на целую корзину тофу и поняли, что теперь уже это стало проблемой.

Цай Цзиньхуа ахнула. Столько тофу она видела впервые и всё допытывалась у невестки, уж не заставил ли кто-нибудь купить всё силой. Чэнь Сяньюэ со смехом объяснила, что произошло. Цай Цзиньхуа успокоилась, но тут же рассердилась и собралась идти к домам Чжао и Сяо ругаться:

— Этот мальчишка И ещё ребёнком остался без отца с матерью, сам себя с трудом вырастил. Только-только наконец обзавёлся фуланом и перестал быть человеком без семьи, а этим

гнилым тварям с черным сердцем всё чужое счастье поперёк горла! Сами лезут, лишь бы людям жизнь испортить.

Сама она была уже в возрасте, но неприятностей не боялась. Если понадобится, будет караулить у ворот и ругаться до тех пор, пока не проклянет этих людей насмерть.

Чэнь Сяньюэ поспешно налила свекрови чашку чая, чтобы та успокоилась:

— Матушка, не сердись. Дун-Дун сообразительный, им от него ничего не досталось.

Свекровь из семьи Сунь хоть и не знала ни одного иероглифа, зато сердцем была очень добра. Иначе Чэнь Сяньюэ тогда ни за что не стала бы упираться и настаивать, что хочет выйти именно в эту семью. В те годы семья Сунь жила бедно, а её собственный дом, напротив, был довольно зажиточным. Отец охотился в горах, мать умела ткать и вышивать, а старший брат работал счетоводом в городском ресторане. С таким положением родители выбрали ей нескольких подходящих по достатку женихов, среди них даже был один сюцай, учёный человек. Но она с первого взгляда выбрала простодушного, немного глуповатого Сунь Цяна, а вместе с ним и семью Сунь.

Родители так рассердились, что несколько месяцев не хотели с ней разговаривать. Но после свадьбы жизнь становилась всё лучше: дедушка, бабушка и родители Сунь Цяна были людьми добрыми и порядочными, сам Сунь Цян тоже уважал её, и в конце концов её родителям уже нечего было сказать.

Целую корзину тофу всё равно было не съесть. По дороге домой Чэнь Сяньюэ отдала Линь Мудуну два куска, и теперь тот сидел во дворе, размышляя, как бы приготовить их по-новому. Он слышал, что в соседней префектуре тофу готовят так: нарезают кусками и обжаривают в масле. После жарки соевый аромат становится особенно насыщенным, снаружи образуется хрустящая корочка, а внутри тофу остаётся мягким. Потом его можно и тушить с соусом, и класть в суп, всё получается вкусно.

Линь Мудун решил попробовать. Он вынес таз с маслом и осторожно зачерпнул в котёл несколько ложек, боясь налить слишком много и зря потратить. Теперь он уже не был таким, как поначалу, когда во всём оглядывался на чужое лицо и даже масло старался есть поменьше, опасаясь, что Сяо И станет его бранить.

Он бросил в масло кусок тофу, но в первый раз не рассчитал температуру: стоило опустить его в котёл, как тот сразу подгорел дочерна. Линь Мудун поспешно выловил кусок, вытащил одно полено из очага и стал ждать, пока масло немного остынет. Так он пробовал снова и снова пять, шесть раз, и только с седьмой попытки наконец получилось.

Увидев, как кусок тофу пухло раздулся, а поверхность равномерно поджарилась до золотистого цвета, Линь Мудун радостно оживился.

Он подул несколько раз, не в силах ждать, и тут же откусил кусочек. И правда оказалось так вкусно, как говорили.

Сегодня за обедом, помимо чашки тофу с сычуаньским перцем, на столе было ещё тушёное в соусе жареное тофу. Линь Мудун обжарил весь оставшийся тофу, часть оставил Сяо И, а ещё по чашке приготовил для сестры Сяньюэ и Ли-гэра.

Потом он вместе с бабушкой отправился в дом семьи Сунь. Бабушка хотела посидеть с тётушкой Сунь за рукоделием. Чжоу Ли тоже оказался во дворе семьи Сунь - как раз хорошо, не пришлось идти дальше.

— Мы только что собирались позвать тебя. Пойдём вместе в горы собирать «куриные лапки».

— А я вам кое-что вкусное принёс, — Линь Мудун протянул жареный тофу. Аромат сразу привлёк внимание обоих. — Это доуфупао. Свежий тофу обжаривают в масле. Я уже пробовал тушить их в соусе - с рисом очень вкусно.

Чэнь Сяньюэ и Чжоу Ли одновременно сглотнули.

Чжоу Ли тут же оживился:

— Я слышал от Лю Шуня, что уже показались первые зимние побеги бамбука. Давайте выкопаем несколько, а вечером потушим их с тофу, которое Дун-Дун пожарил!

— Тогда идём прямо сейчас, а то позже другие всё выкопают.

Все трое взяли бамбуковые корзинки и маленькие лопатки и, взявшись под руки, отправились на склон. Свекровь семьи Сунь и Ли Юйфэнь с улыбкой смотрели им вслед. Когда они сами были молодыми, тоже любили вот так бегать по горам и ручьям, шуметь и дурачиться вместе с ровесницами-девушками и гэрами. Теперь, вспоминая те времена, они всё равно находили их прекрасными.